

С. И. Берестнев

Об одной из групп населения восточнoукраинской лесостепи в эпоху палеометалла

древности лесостепь Восточной Украины представляла собой своеобразный «клин», глубоко проникавший в степные пространства между Днeпром и Доном. На западе она была отделена от Днeпра более чем стокилометровой ширины низменной днeпро-деснинской равниной с частично засоленными почвами и растительностью луговых степей и остепненных лугов — степным «коридором», достигавшим устья р. Десны. На востоке разнотравно-ковыльно-типчаковые степи по левому берегу р. Оскол поднимались до крайних отрогов

Среднерусской возвышенности, откуда почти параллельно друг другу стекали левые притоки Северского Донца. Пойменные леса по долине Северского Донца тянулись почти до его впадения в Дон. Южные пределы типичной лесостепи на основании палеоботанических исследований для рассматриваемой эпохи ограничиваются правым берегом р. Орель, но следует учитывать, что распространение лесной растительности прямо зависело от циклических колебаний климата. Есть данные о существовании значительных лесных массивов на возвышенных участках Донецкого кряжа и на Орельско-Самарском водоразделе [1, с. 83; 2, с. 25–26; 3, с. 124]. Природно-климатические условия южной лесостепи благоприятствовали освоению края группировками с различными моделями скотоводческого хозяйства. В то же время, развитая речная сеть, наличие лесных участков, богатство растительного и животного мира привлекали туда сообщества с преимущественно присваивающей экономикой. Их продвижение и взаимодействие с миром степных скотоводов нашли непосредственное отражение в особенностях исторического развития всего обширного региона.

Многокомпонентность состава населения восточнoукраинской лесостепи в эпоху палеометалла наиболее выразительно проявляется в характере погребальных памятников. Вся их совокупность, включающая интра- и экстрамуральные плоские могильники, одиночные захоронения на площади поселений и массив подкурганных погребений, может быть условно дифференцирована по двум признакам, основополагающим в системе погребально-поминальной обрядности: 1) позиции покойника; 2) пространственной ориентировке тела.

Оба признака равно существенны в погребальной практике, но, как представляется, отражают качественно разные уровни комплекса религиозно-мифологических представлений, формирующих идеологические сферы конкретных социумов.

Непременным элементом любого погребального комплекса является наличие реальных или символических (в кенотафах) останков покойника. Именно телесная оболочка умершего или ее ритуальный «макет» выступали объектом специфической церемонии, имевшей целью благополучный перевод его в Мир иной. Само по себе, целенаправленное сохранение останков умершего сородича свидетельствует об осознании человеком неразделимости извечной дуальной оппозиции жизнь/смерть. В примитивном мышле-

нии освоение разнообразных явлений окружающего мира шло по пути их уподобления довольно узкому кругу известного, уже освоенного. Поэтому и феномен человеческого существования осознавался по образцу знакомых и наглядных природных циклов — день–ночь, восход–закат, зима–лето и пр., что закономерно приводило к идее повторяемости жизни [4, с. 77–78; 5, с. 95]. В архаическом сознании смерть воспринималась не как конечная инстанция, а как необходимое и неизбежное звено в продолжении существования. Свойственная ранним периодам развития общества мифологизация прошлого, выступавшего как «инобытие» времени реального, предусматривала обязательную систему его воспроизведения, что, помимо прочего, достигалось и в процессе погребальной церемонии. Положение тела усопшего должно было символически воспроизводить акт первотворения, тем самым замыкая временной цикл и вовлекая его в череду бесконечных перевоплощений. Захоронение объективно выступало синонимом нового рождения. В силу этого, положение тела покойника, придаваемое ему после смерти или в ходе обряда погребения, являлось прямым отражением основополагающих представлений о природе мироздания, происхождении человека и его взаимоотношениях с окружающей действительностью, как во времени, так и в пространстве.

Возможно, уже в позднем палеолите–мезолите на территории Евразии исторически сложились две большие области с разнящимися религиозно-мифологическими доктринами, проявившимися в содержании погребальной обрядности. Северной области (европейско-сибирской) была свойственна традиция вытянутых труположений, южная (дунайско-древневосточная) отличалась преимущественно скорченной позой покойников [6, с. 3–13; 7, с. 33–39; 8, с. 167]. Первая, в основном, совпадает с территорией преобладания охотничье-рыболовческих форм хозяйства, для второй характерно раннее зарождение и развитие производящей экономики.

Для охотников, рыболовов и собирателей северного идеологического ареала процесс перехода умершего человека из одного состояния в другое, по-видимому, ассоциировался со слиянием с землей как праматерью всего сущего, из которой все появляется и куда все нисходит. Отголоски подобных архаических представлений прослеживаются в древнейшем европейском эпосе [9, с. 67; 10, с. 19]. Возвращение в лоно праматери наиболее эффективно и просто достигалось вытянутым положением покойника, плотно прилежавшего к земле. Умерших укладывали в ямы нередко неправильных очертаний, реально воплощавших погружение в землю, и засыпали ранее вынутым грунтом. Часто тело и дно могилы густо засыпали порошком красной охры. У многих первобытных народов красный цвет — цвет крови — рассматривался как символ универсальности жизни и средство скорейшего возрождения [11 с. 205]. В рамках сложившейся традиции допускались известные отклонения в позиции покойника, не затрагивавшие концептуальных основ обряда: наряду с обычными вытянутыми на спине труположениями иногда встречаются захоронения ничком [12, с. 38; 13, с. 319]. Не исключено, что в подобных случаях речь может идти об особом отношении к личности покойника, в частности — о нежелательности его возвращения.

Захоронения в большинстве случаев безынвентарны или сопровождаются ограниченным набором украшений и изделий личного пользования. Незрелость вещевой стороны обряда говорит о том, что переход в потусторонний мир мыслился как приобщение к сонму предков, которые, в отличие от различных духов или божеств, олицетворявших стихийные силы, принадлежали к «этому миру» [14, с. 21]. Они были теснейшим образом связаны со всеми обстоятельствами жизни людей и выступали помощниками в делах, но требовали постоянного внимания и заботы. Общение с ними строилось по принципу непосредственного диалога двух сторон.

В среде древних земледельцев, с их несравненно более развитой культовой практикой, получило идеологическое обоснование скорченное положение тела умершего, вероятно, воспроизводившее позу родов как символа первотворения в широком смысле. Наиболее наглядно мистическая связь скорченной позы с актом рождения проявляется

в глиняной пластике из раннеолитического горизонта поселения Чатал-Хююк в Анатолии. Одна из найденных статуэток изображает рожавшую сидя женщину, с головой младенца, рельефно выделенной между разведенных и согнутых в коленях ног. Известны также изваяния женщин, рожавших животных — быка или барана [15, с. 122–124, табл. 67]. Изображения сидящих женщин с согнутыми и поднятыми в коленях ногами известны на территории Центрального Закавказья, входившего в зону древнейшего земледелия [16, с. 88]. По всей видимости, сопряженность смерти и рождения, репродуцируемая в скорченной позиции покойника, обусловлена культом женского божества, с которым связывались основные моменты бытия — плодородия и продолжения рода, воспроизводства, смерти и загробного существования [17, с. 11]. На ранних стадиях развития он являлся, вероятно, чисто женской прерогативой. Следует отметить, что в «святилищах» Чатал-Хююка выявлены только женские захоронения, а в могильниках культуры Гумельница отмечена тенденция к погребению мужчин вытянуто на спине, а женщин — скорченно на спине или на боку [18, с. 41]. В пределах южного идеологического ареала подобная практика не вышла за пределы локального явления, но скорченная позиция покойника, как бы моделирующая процесс первотворения, стала господствующей [19; 20; 21].

Позиции скорченно на спине или на боку по содержанию не противоречивы и вполне совместимы в концептуальном плане, поскольку различие заключается лишь в проекции восприятия. Их применение могло обуславливаться многими факторами, в том числе и социальными. Как наиболее канонизированную, восходящую к первообразу, можно расценивать позицию «сидя», реально переводящую покойника из горизонтальной земной плоскости в вертикальную небесную. Ее относительная редкость, иногда — ритуальная выделенность, свидетельствуют о неординарности и известной приоритетности в контексте погребальной обрядности. Весьма показательно, что идея вертикального перехода в Мир иной прослеживается и в пределах северного идеологического ареала. В мезолитическом Оленеостровском могильнике, наряду с вытянутыми на спине костяками, встречены отдельные захоронения в позиции «стоя» [22, с. 429].

Инвентарность большинства погребений, введение в обряд различных вещей, знаков и символов указывает на состоявшееся разделение сакральной и профанной сфер, на то, что диалог равных сменился зависимостью от сверхъестественной силы, требующей поклонения и жертвования. Как жертва рассматривается и сам погребенный [23, с. 247].

Вторая важная составляющая обряда «перевода» покойника из земного мира в Потусторонний — пространственная направленность тела — на ранних этапах развития общества оставалась неопределенной и весьма вариабельной даже в пределах конкретных культурно-исторических образований. В мезолитических могильниках Поднепровья костяки располагались без видимой системы, с головами в разные стороны горизонта [24; 25]. В раннеземледельческих культурах Подунавья, Балкан, Передней и Средней Азии скорченных покойников ориентировали равным образом как в меридиональном, так и в широтном направлениях [19, с. 57–92; 20, с. 28–49; 26, с. 17–35; 27, с. 41]. Аналогичная картина наблюдается в погребальных памятниках северного идеологического ареала с вытянутыми костяками [28, с. 165–169; 29, с. 99; 30, с. 63–64].

Такая неопределенность в направлении следования умершего свидетельствует о неразделенности в человеческом сознании реального и Потустороннего миров. Покойники мыслились как существующие где-то рядом в пространстве.

Постепенное становление традиции «отправления» усопшего сородича в заданном направлении, выразившейся в стабилизации ориентировок захоронений в пределах конкретных территориальных регионов, связано с новым уровнем развития идеологической сферы. Потусторонний мир, или Мир предков, приобретает четкие пространственные координаты, и, следовательно, религиозно-мифологические концепции получают в целом завершенную форму, а конструкции мироздания — последовательность и целостность основных компонентов.

В целом, погребальная обрядность как один из наиболее консервативных аспектов традиционной духовной культуры является яркой формой выражения присущих данному обществу и в данное время мировоззренческих позиций. При этом, положение тела покойника отражает основополагающие космогонические представления, тогда как его пространственная направленность выступает индикатором принадлежности к социуму, обладавшему идеологическим единством, сложившейся религиозно-мифологической доктриной. Устойчивое сочетание обоих признаков позволяет очерчивать культурно-исторические ареалы, возможно, соответствующие территориям формирующихся этносов как сообществ со своеобразной внутренней структурой и единым стереотипом поведения, осознающих себя как некую целостность и в этом качестве противопоставляющих себя другим сообществам [31, с. 61–62].

Существенные изменения мировоззренческого комплекса возможны только в результате сложного сочетания процессов внутреннего развития, создающих известный конфликт между существующей системой представлений и социально-экономическими реалиями. Разрешение возникших противоречий вначале шло в русле «компромиссных» явлений культовой практики, путем включения новых элементов в традиционный ритуальный контекст. Не исключено, что катализатором процесса мог стать достаточно интенсивный внешний импульс.

Признаки определенной трансформации идеологической сферы прослеживаются уже в развитии нео-энеолитических грунтовых могильников азово-днепровского региона. На одном из этапов существования Мариупольского могильника, наряду с обычными вытянутыми труположениями, появляется погребение в позиции «сидя», концептуально не вписывавшееся в существовавшую традицию [32, с. 62, табл. XXVIII]. «Сидячее» захоронение выявлено в западной части Деревинского могильника, вблизи большой коллективной могилы. Оно сопровождалось пластиной из эмали кабаньего клыка, имеющей прямые аналогии в материалах Мариуполя [7, с. 83, рис. 41, 11]. Единичность использования «позы роженцы», причем, в ее наиболее канонизированной форме, свидетельствует об экстраординарности ситуации и особом отношении к покойнику.

Вероятно, близкие по содержанию явления нашли отражение в материалах Никольского могильника в Надпорожье. В групповой могиле ямы Д останки погребенных залежали в два яруса: нижний образовывал завал костей по крайней мере от нескольких субъектов, выше, в слое охристого грунта, расчищены четыре скелета, лежавшие вытянуто на спине, черепами на запад. Непосредственно на них находился костяк, уложенный в том же направлении, но с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами. Сохранение анатомического порядка погребенных верхнего яруса свидетельствует в пользу одновременности захоронения, представляющего единый комплекс.

Аналогичная ситуация прослежена в яме Е, где верхний ярус заполнения образовывали разрозненные останки нескольких покойников и скелет молодой женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой к западу. В охристом грунте нижней части ямы выявлены пять вытянутых костяков, перекрытых сверху скелетом пожилого мужчины, уложенного на спине, с разведенными в коленях ногами, образующими широкий ромб [7, с. 57, рис. 4, 1–2].

Обращает на себя внимание, что в обоих случаях покойникам целенаправленно была придана поза «роженцы» и они перекрывали группы погребенных в стандартной вытянутой позиции, как бы завершая некий ритуальный акт.

К близким выводам приводят данные могильника «Госпитальный холм» на р. Орель [33, с. 25–43]. В пределах полосы погребений, образующих ряд в меридиональном направлении, выделяются три скопления человеческих останков — южное, центральное и северное. Объективные данные об их хронологическом соотношении отсутствуют. В каждом скоплении костяки образуют несколько стратиграфических ярусов. Показательно, что скелеты нижнего яруса в каждом из скоплений находились примерно на одной глубине: в южном — на глубине 0,45–0,50 м, в центральном — 0,85–0,90 м,

в северном — 0,95–1,0 м. Существование строго стандартизированных индивидуальных могильных ям представляется маловероятным. Скорее, речь может идти о наличии вначале больших углублений прямоугольных очертаний, на дне которых производились трупоположения с последующей засыпкой грунтом выброса. Это предопределяло то, что последующее захоронение производилось на некотором удалении от предыдущего, но практически на том же уровне. Сама яма и окружавший ее грунтовой выброс служили внешними признаками коллективной усыпальницы. Существованием первоначальных траншей объяснял появление скоплений-«секций» в составе Мариупольского могильника А. Д. Столяр [34, с. 24]. Последующие погребения в пределах ямы производились на поверхности засыпки, после чего процедура повторялась. Это приводило к постепенной нивелировке ямы, спустя какое-то время превращалась в небольшую западину на поверхности. Для позднейших захоронений выкапывались индивидуальные ямы, в процессе создания которых могли повреждаться нижележащие останки.

В могильнике «Госпитальный холм» костяки нижних ярусов всех трех скоплений находились в вытянутой позиции и были ориентированы головами в широтном направлении, в ряде случаев по принципу антитезы. В северном скоплении скелет взрослого человека № 107 непосредственно перекрывался костяком подростка, с согнутыми в коленях и уложенными углом вправо ногами. В пределах центрального скопления два коллективных погребения № 60–61 и № 67–68, относившиеся к нижнему ярусу, перекрывались костяком № 63, от которого сохранились согнутые в коленях и подтянутые пятками к тазу ноги. Покойник, как и лежавшие ниже, был направлен головой к западу. Вне ряда, на небольшом удалении, выявлено захоронение № 70, с костяком, уложенным на спине, с протянутыми вдоль тела руками, с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами. Синхронность обеих позиций подтверждается данными захоронения № 50, в котором мужской скелет лежал вытянуто, а женский, смещенный к его ногам, скорченно на спине. Погребения со скорченными костяками были отнесены к среднестоговской общности [33, с. 29–30, вклейка].

В небольшом интрамуральном могильнике Копанице 2 в лесостепном Подонье, наряду с вытянутыми на спине и ориентированными к западу костяками, выявлено погребение с покойником, имевшим согнутые в коленях и направленные углом в сторону ноги. Последнее обстоятельство предопределило отнесение могильника к «пережиточному» неолиту [35, с. 123, рис. 24]. Н. С. Котова включила некрополь в систему памятников раннеэнеолитической воронежско-донской культуры мариупольской культурно-исторической области [36, с. 19].

В могильнике на площади многослойного поселения в урочище Дрониха на р. Битюг в группе захоронений с восточной ориентировкой вытянутых покойников выделяется погребение № 11, в котором костяк молодого мужчины был уложен с согнутыми в коленях и широко разведенными в стороны ногами [37, с. 106, рис. 3, 4]. Хронологическое положение этой группы определяется ее сопряженностью с большой площадкой утрамбованной ракушки, предположительно — постройкой хозяйственного назначения: погребения частью перекрываются ею, частью прорезают ее или находятся на ее поверхности. Стратиграфически и ситуационно постройка связывается с раннеэнеолитической нижнедонской культурой мариупольской области, на памятниках которой известны полы жилищ из битой ракушки [38, с. 19].

Скорченная на спине позиция костяка отличала одно из погребений грунтового могильника Липовый овраг в саратовском Поволжье, отнесенного к самарской культуре эпохи раннего энеолита [39, с. 6, рис. 4].

Во всех приведенных случаях захоронения со скелетами, в той или иной мере воспроизводящими «позу роженицы», представляют исключения на фоне общей традиции. Вероятно, что они характеризуют определенный период в развитии общества, в течение которого осуществлялась спонтанная деформация идеологической сферы, обусловленная как внутренними факторами экономического порядка, так и внешним воздействием. Развитие производящих форм хозяйства, в частности, скотоводческого,

привело к формированию в общественном сознании новых представлений и образов, ориентированных на установление контактов со сверхъестественными силами — боже-ствами. Культ Великой Богини-матери, существовавший у населения южного идеоло-гического ареала, оказался достаточно действенным стимулом для постепенной трансформации всей системы мировоззрения. Вместе с тем, спорадичность применения элементов новой обрядности свидетельствует о том, что восприятие идеи о взаимосвязи скорченной позиции с загробной жизнью и возрождением вначале имело оттенок ис-ключительности и приоритетности. Этот процесс, скорее всего, имел дискретный ха-рактер и разную интенсивность в различных регионах. В одних местах он проходил сравнительно быстро и завершился утверждением новой религиозно-мифологической концепции, материализованной в грунтовых погребениях со скорченными на спине или на боку покойниками. Эту линию развития иллюстрируют позднейшие скорченные захоронения Мариупольского, Собачковского, Чаплинского и других могильников, а за-вершающий этап представляет некрополями среднестоговской общности.

В сообществах, вероятно, уже сформировавшихся как этносы, идеологическая сфе-ра оказалась достаточно консервативной, направленной на сохранение, а не развитие. Традиция в них поддерживалась не только силой общественного мнения, но и опреде-ленными общественными институтами [40, с. 25–27]. Выразительным примером явля-ются погребальные памятники постмариупольской общности.

Формирование на общей основе двух параллельных линий развития во многом объяс-няет культурно-историческую ситуацию в восточноукраинской лесостепи в начале эпо-хи палеометалла и позволяет по-новому подойти к оценке уже известных в этом регионе памятников.

В составе интрамурального могильника у бывшего хутора Александрия на левом берегу р. Оскол Д. Я. Телегин выделил две группы погребений, отражающие последо-вательные этапы в существовании памятника. Коллективное и два индивидуальных захоронения с вытянутыми на спине костяками он отнес к позднему периоду днепро-донецкой неолитической культуры и сопоставил с немногочисленными материальными остатками выделенного нижнего, неолитического, горизонта поселения. Погребения со скорченными на спине или на боку покойниками, а также «сидячие», рассмат-ривались в системе среднестоговской культуры эпохи энеолита. Основанием для культурно-хронологического разделения групп погребений явились относительно большая глубина залегания вытянутых костяков и аналогии в известных к тому времени нео- энеолити-ческих могильниках Надпорожья и Приазовья [41, с. 101; 42, с. 110–112, рис. 6]. Вме-сте с тем, анализ материала среднестоговского горизонта привел исследователя к выводу, что «неолитическая» (поздняя днепро-донецкая) и «пористая» среднестоговская кера-мика стратиграфически не разделяются, напротив, имеются свидетельства их сосуще-ствования. Ситуация усугублялась присутствием в слое небольшого количества фрагментов посуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией [42, с. 22]. Впоследствии неолитическая керамика была отнесена к типу Засухи, представлявшему позднейший этап днепро-донецкой общности, синхронный среднестоговским памятникам первого–начала второ-го периодов их развития. На эпонимном поселении было выявлено также захоронение с костяком в вытянутой позиции [43, с. 80–84]. Таким образом, формальные основания для хронологического разделения групп погребений Александрийского могильника отпа-ли сами собой. В более поздней работе, посвященной обобщающей характеристике па-мятников среднестоговской общности, Д. Я. Телегин выделил только два основных горизонта культурного слоя Александрии — энеолитический и древнеямный [44, с. 26]. Следует учитывать также, что захоронения в пределах исследованной площади распо-ложены без видимой системы, но случаи взаимного нарушения не зафиксированы. Это косвенно свидетельствует в пользу их одновременности. Кроме того, в сопровождающем инвентаре обеих групп имеются практически идентичные типы кремневого инвентаря. Представляется важным, что в ориентировке и вытянутых, и скорченных покойников

преобладают северное и восточное направления. Все это дает основания рассматривать Александрийский могильник как единый культурно-хронологический комплекс на основе симбиоза двух этнических компонентов. В рамках такого подхода становится объяснимым и наличие двух групп захоронений в могильнике Дрониха.

Керамика типа Засухи, совместно со среднестоговской, была выявлена в нижней части культурного слоя поселения Сердюково-2 на Северском Донце, на что в свое время обратил внимание Д. Я. Телегин [42, с. 23]. Выше залегали катакомбные и срубные материалы. С уровня нижнего горизонта было совершено одиночное погребение в мелкой материковой яме подовальной в плане формы, размерами 1,65×0,7 м, ориентированной в широтном направлении. Судя по расположению сохранившихся первоначальное положение костей, покойник (по определению автора раскопок — пожилая женщина) лежал на спине, головой на восток с незначительным отклонением к северу. Ноги слегка согнуты в коленях и разведены в стороны, руки протянуты вдоль тела. Возле правого плеча обнаружена треугольная сланцевая плитка со следами использования и несколько комков желтой охры (рис. 1, 2) [45].

Фрагменты сосудов технологически и по орнаменту близких типу Засухи содержатся в материалах многослойного поселения у г. Мерефа на р. Мжа — правом притоке Северского Донца, частично разрушенного в ходе строительства автодороги (рис. 2, 1-4). При исследовании одного из участков было выявлено захоронение в мелкой материковой яме, деформированной ходами землероев. Погребенный лежал на спине, головой на север с незначительным отклонением к востоку; руки были протянуты вдоль тела, ноги слегка согнуты и разведены коленями в стороны. Череп приподнят в затылочной части, что может рассматриваться как свидетельство существования «подушки» из органического материала (рис. 1, 4) [46].

Грунтовое погребение с лежащим на спине в слабой степени скорченности и ориентированным головой на север скелетом обнаружено в площади поселения Туба-1 в Луганской области [47, с. 49-51, рис. 13]. Особенности керамического комплекса позволяют рассматривать поселение в системе памятников типа Засухи.

Сопряженность материалов типа Засухи с грунтовыми захоронениями со слабо скорченными на спине костяками дает основания для пересмотра культурной принадлежности некоторых погребений могильника Александрии, традиционно относившихся к среднестоговским: погребения № 4-8, 37-38, 40, с меридиональной ориентировкой покойников, весьма близки к охарактеризованным выше [42, с. 110-112].

Следует отметить, что обрядово близкие захоронения в мелких материковых ямах подовальных очертаний со слабо скорченными на спине и ориентированными в восточном направлении скелетами выявлены также в составе Александровского грунтового энеолитического могильника. По мнению исследователей памятника, в некрополе наблюдается совмещение нижнемихайловской и среднестоговской, новоданиловского типа, культурных традиций [48, с. 25-30, рис. 8, 2-4].

Таким образом, с населением, оставившим памятники типа Засухи, могут быть связаны грунтовые погребения как с вытянутыми, так и слабо скорченными на спине костяками, ориентированными преимущественно в северном или восточном направлении. Учитывая характер могил, не имевших перекрытий и заполнявшихся грунтом сразу же после завершения погребальной церемонии, следует полагать, что такое положение ног покойников придавалось изначально и являлось своеобразной модификацией позы «роженицы». По характерным признакам к этой группе могут быть отнесены и некоторые подкурганые захоронения.¹

В кургане № 1 «Гостра могила» у с. Верхняя Самара Близнюковского района Харьковской области основным было погребение 3, совершенное в мелкой материковой яме

¹ Автор искренне благодарен Н. Г. Коленченко и В. Г. Бородулину за разрешение использовать материалы их исследований.

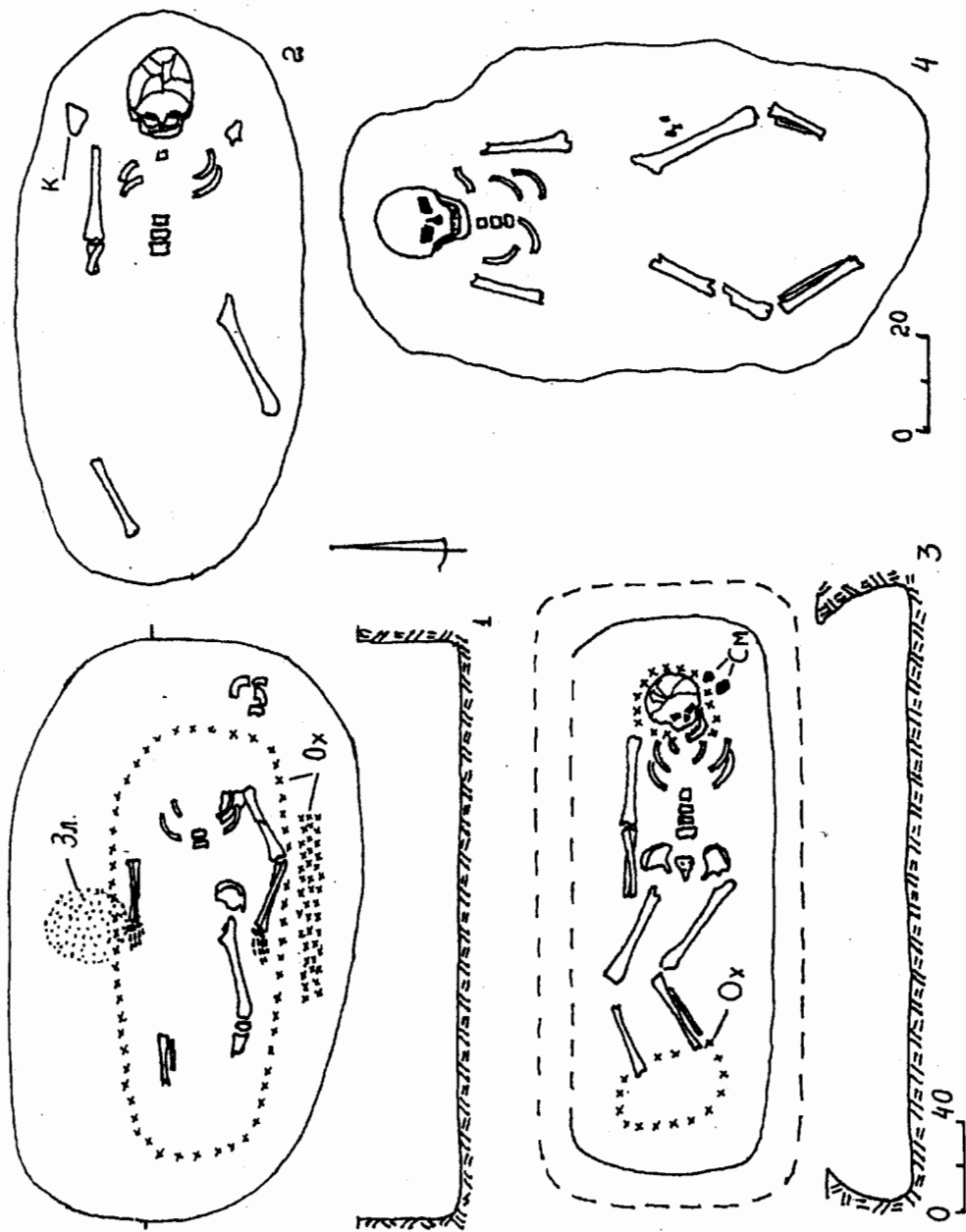

Рис. 1

1 — Грушеваха, к. № 1 п. 2; 2 — погребение на поселении Сердюково-2; 3 — Грушеваха, к. № 1, п. 1;
4 — погребение на поселении Мерефа

прямоугольной в плане формы, размерами 1,9×1,22 м, ориентированной в широтном направлении. Никаких следов перекрытия могилы не обнаружено. Скелет погребенного лежал на спине, головой на восток. Руки протянуты вдоль тела, ноги слабо согнуты в коленях и уложены углом вправо. Череп слегка приподнят в затылочной части. Костяк и дно могилы обильно посыпаны порошком красной охры (рис. 2, 5). Под левым предплечьем расчищена кремневая ножевидная пластина длиной 13,5 см (рис. 2, 6).

Первая насыпь в кургане № 1 группы Князево-1 в Лозовском районе Харьковской области была создана над двумя одновременными погребениями № 7 и № 9, расположенными в центре подкурганной площадки.

Погребение № 7 было совершено в яме подпрямоугольной в плане формы, с закругленными углами, размерами 1,7×1,1 м, впущенной в материк на 0,35 м. На уровне древнего горизонта выявлены остатки двух толстых, до 0,25 м, бревен от продольного перекрытия могилы. Скелет мужчины лежал на спине, головой на север. Череп немного приподнят в затылочной части, нижняя челюсть на ключицах. Руки слегка согнуты в локтях, кисти — на тазовых костях. Ноги слабо согнуты и разведены коленями в стороны. Костяк сплошь засыпан красной охрой, особенно интенсивно — в районе таза. Два крупных куска охры расчищены слева от черепа (рис. 3, 1).

Погребение № 9 — могильная яма прямоугольной в плане формы с округленными углами, размерами 1,7×1,25 м, впущена в материк на 0,25 м. Никаких следов перекрытия не выявлено. Костяк пожилой женщины лежал на спине, головой на юг. Череп слегка приподнят в затылочной части. Руки свободно протянуты вдоль тела. Ноги слабо согнуты и разведены коленями в стороны. На дне могилы зафиксирована подсыпка золы и порошка красной охры; охрой окрашены также кости погребенной (рис. 3, 2). В районе шейных позвонков покойницы расчищено 45 мелких сильно патинизированных медных (?) бусин трубкообразной формы, свернутых из тонкой пластины в один оборот, диаметром 3 мм, длиной 4 мм (рис. 3, 3). Еще 16 таких же бусин найдено возле тазовых костей. Возле кисти правой руки по окружности диаметром около 12 см было выложено восемь полированных т. н. восточных костяных пронизей; пять из них имели нарезки с четырех сторон, три — с двух. Вдоль левого бедра, до кисти левой руки, в линию были выложены еще 21 пронизь с двумя боковыми нарезками (рис. 3, 4–6).

Над основным энеолитическим погребением 5 была возведена первая насыпь кургана № 2 у с. Князево. Могильная яма прямоугольной в плане формы, размерами 1,65×1,2 м, была впущена с уровня древнего горизонта и углублена в материк на 0,52 м. Следов перекрытия не обнаружено. На дне подсыпка мощностью до 8 см следующего состава (снизу вверх): слой чистой золы (до 5 см), смесь золы с древесными угольками, кусочками мела и грудками извести, тонкий слой порошка красной охры. Погребенный находился в центральной части ямы, он лежал на спине, головой на север. Череп немного приподнят в затылочной части и склонен к правому плечу. Руки вытянуты вдоль тела, левая, от плечевого сустава до кисти, присыпана толстым слоем охры, на правой — комочки мела и древесные угли. Ноги слабо согнуты в коленях и уложены углом влево (рис. 3, 3).

Над двумя одновременными погребениями 4 и 5 была создана первая насыпь кургана № 3 у с. Князево.

Погребение 4 находилось в центре кургана и было частично разрушено впускным захоронением 4-а, прорезавшим его южную половину. Судя по сохранившемуся контуру, могильная яма имела неправильную прямоугольную форму и была ориентирована продольной осью в меридиональном направлении; размеры сохранившейся части 0,9×1,32 м. Следов перекрытия не обнаружено. Дно на глубине 1,4 м от уровня вершины, оно было впущено на 0,25 м в материковую глину. В северной половине ямы расчищен раздавленный грунтом череп человека, лежавший на левом виске, лицевым отделом на восток. Сохранился обломок левой плечевой кости, отдельные позвонки и фрагменты ребер. В заполнении погребения 4-а выявлены бедренные и берцовые кости ног.

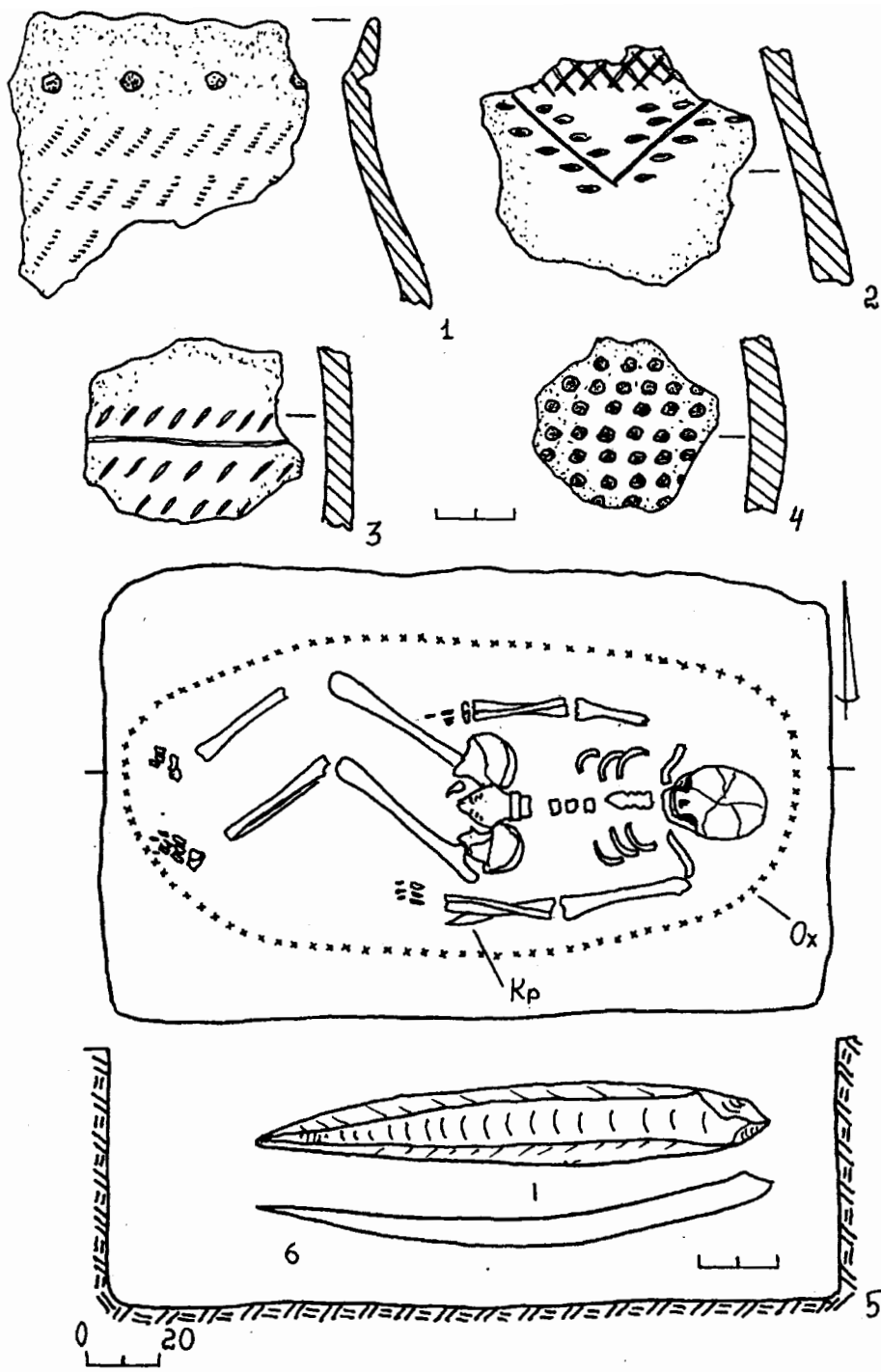

Рис. 2

1-4 – фрагменты керамики с поселения Мерефа; 5-6 – Верхняя Самара, к. № 1, п. 1

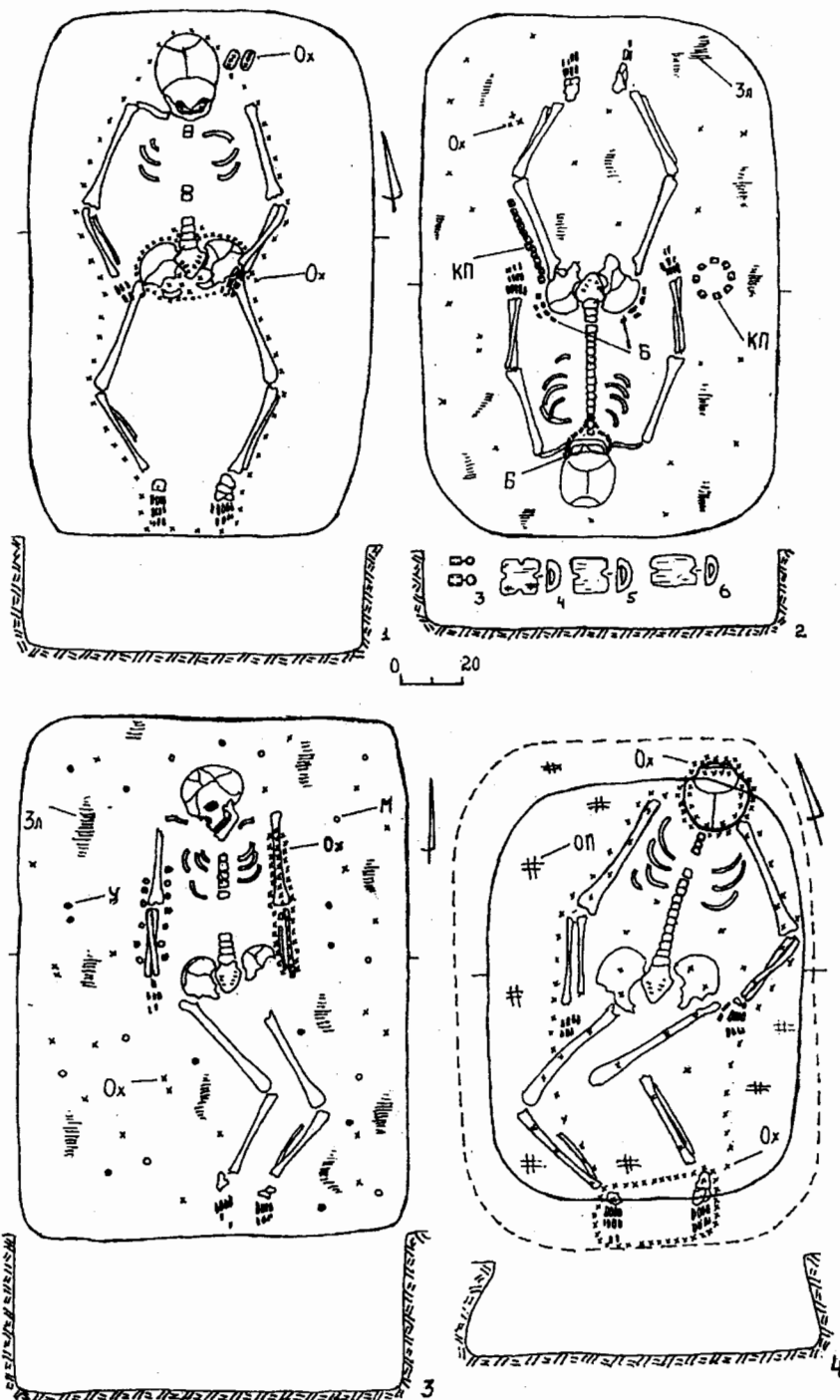

Рис. 3

1 — Князево, к. № 1, п. 7; 2 — Князево, к. № 1, п. 9; 3 — Князево, к. № 2, п. 5; 4 — Грушеваха, к. № 2, п. 9

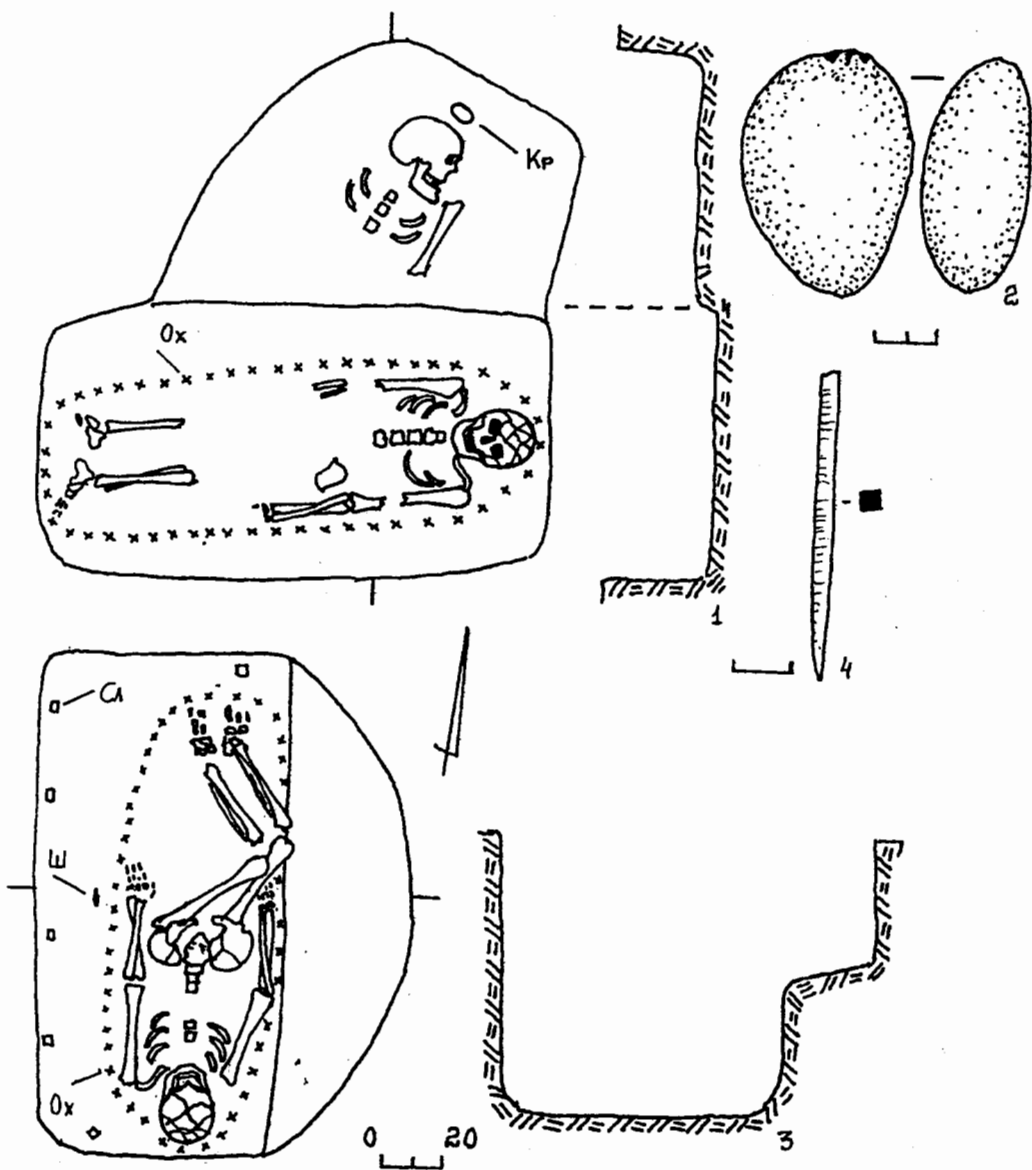

Рис. 4

1 — Князево, к. № 3, пл. 4/4-а; 2 — кремневая галька из погребения 4 кургана № 3 у с. Князево; 3-4 — Князево, к. № 3, п. 5

У темени покойника находилась кремневая галька с небольшими выбоинами на одном конце (рис. 4, 1-2).

Погребение 4-а было совершено в яме прямоугольной формы, размерами 1,8×1,0 м, также без следов перекрытия. Дно на глубине 1,47 м от уровня вершины. Скелет погребенного, частично потревоженный ходами землероев, лежал на спине, головой к востоку. Ноги вытянуты и направлены стопами врозь, руки протянуты вдоль тела. Костяк обильно посыпан порошком красной охры (рис. 4, 1).

Погребение 5 находилось в 2 м к западу от погребений 4/4-а, пятно могилы прослежено с уровня древнего горизонта. Яма прямоугольной в плане формы, размерами 1,8×0,8 м, впущена в материковую глину на 0,95 м. С восточной стороны к продольной стенке ямы примыкала сегментовидная ступенька, шириной 0,5 и высотой от дна ямы 0,45 м. Следов перекрытия не обнаружено. Скелет покойника смещен к восточной стенке ямы, он лежал на спине, в слабой степени скорченности, головой на юг. Череп приподнят в затылочной части. Руки протянуты вдоль тела, ноги согнуты и коленями опираются о ступеньку, стопы — на подошве. Костяк и дно могилы под ним обильно засыпаны красной охрой. У кисти левой руки расчищено четырехгранное в сечении медное шило длиной 6 см (рис. 4, 3-4). У стенок ямы находились мелкие кусочки слюды (?).

Над энеолитическими захоронениями были возведены два кургана группы 1 у с. Грушеваха Барвенковского района Харьковской области, находившейся в широкой пойме правого берега р. Берека. Курган № 1 содержал два одновременных погребения, находившихся в юго-западном и юго-восточном секторах насыпи. Материковые выбросы из них перекрывали линию древнего горизонта.

Погребение 1 совершено в яме удлиненно-прямоугольной в плане формы, размерами 2,5×0,9 м, ориентированной в широтном направлении. Ко дну яма расширялась подбоями во все стороны; ее размеры на уровне дна, углубленного в материковую глину на 0,4 м, 2,8×1,2 м. Северная стенка деформирована оползнем. Скелет погребенного лежал на спине, головой на восток. Череп приподнят в затылочной части и склонен к правому плечу. Правая рука протянута вдоль тела, левая не сохранилась. Ноги слабо согнуты в коленях и уложены углом вправо. В районе черепа и стоп ног — пятна красной охры. Слева от черепа лежали два куска смолообразного вещества (рис. 1, 3).

Погребение 2 — в яме неправильной овальной в плане формы, размерами 2,6×1,6 м, углубленной в материк на 0,5 м. В грунте заполнения отмечены включения истлевшей древесины от перекрытия. Костяк частично разрушен ходами землероев. Судя по сохранившему первоначальное положение костям, он лежал на спине, в слабой степени скорченности, головой на восток. Череп фрагментирован и смещен к восточной стенке. Левая рука слегка согнута в локте, кисть у начала левого бедра. Правая, от которой сохранились кости предплечья, протянута вдоль тела. Левая нога была слабо согнута в колене — бедро сохранило наклонное положение, от правой остались лишь обломки берцовых костей. Костяк и участок дна ямы под ним были обильно посыпаны красной охрой. Вдоль левой руки охра была насыпана полосой 0,85×0,08 м, мощностью до 0,8 см. У кисти правой руки — зольное пятно диаметром до 0,35 м (рис. 1, 1).

Курган № 2 погребение 9 перекрывалось плитой светло-серого песчаника, размерами 1,1×0,5×0,3 м, расчищенной на уровне древнего горизонта. Яма прямоугольной в плане формы с округленными углами, размерами на уровне зачистки 1,25×0,95 м, книзу расширялась небольшими подбоями во все стороны. Дно впущено в материковую глину на 0,6 м; размеры ямы в нижней части 1,55×1,1 м. На дне сохранился тлен от органической подстилки. Костяк несколько по диагонали ямы, в позиции слабоскорченно на спине, головой на север с незначительным отклонением к востоку. Череп на костях верхней части грудной клетки, лицевым отделом вниз, вероятно, вначале был сильно поднят в затылочной части. Руки согнуты в локтях, кисти — у таза. Ноги первоначально были согнуты и направлены коленями вверх, впоследствии упали углом вправо,

стопы сохранили положение «на подошве». Костяк засыпан порошком красной охры, особенно интенсивно в районе черепа и стоп ног (рис. 3, 4).

По ведущим обрядовым признакам к выделенной группе может быть отнесено основное погребение 2 кургана № 3 у с. Вербовка Балаклейского района, совершенное в мелкой материковой могиле неправильной прямоугольной формы без перекрытия, с костяком, слабо скорченным на спине и ориентированным головой к западу. Дно ямы имело меловую посыпку, у колена правой ноги покойника — пятно красной охры. В мелкой материковой яме подпрямоугольной формы, без следов перекрытия, было также совершено основное захоронение 1 в кургане № 5 у с. Вербовка. Костяк на органической подстилке, слабо скорчен на спине головой на юг. Череп приподнят в затылочной части, кисти слегка согнутых в локтях рук — у таза, ноги слабо согнуты и разведены коленями в стороны [49, с. 113, рис. 66, 2; с. 128, рис. 81, 2].

Особое значение приобретают относимые к этой же группе погребальные комплексы с сопровождающим инвентарем, ранее включавшиеся в состав постмариупольской или древнеямной общностей. Речь идет об основных под насыпями погребении 1 кургана № 23 у с. Богуслав в среднем течении р. Самары, на территории Днепропетровской области, и погребении 5 кургана № 3 у с. Октябрьское в Славянском районе Донецкой области (рис. 5) [50, с. 7–9, рис. 3; 51, с. 42, рис. 9, 1–2].

Приведенные погребальные памятники интегрируются по ряду признаков: 1) преобладанию относительно мелких могильных ям, часто неправильных прямоугольных или овальных очертаний, в составе грунтовых могильников или под курганными насыпями; 2) распространенной практике заполнения могил грунтом; 3) позиции погребенных на спине в слабой степени скорченности; 4) частому использованию органических «подушек» под головами покойников, локальных подсыпок мела или продуктов горения; 5) меридиональной или широтной ориентировке костяков, с выраженной тенденцией к «принципу антитезы».

Сочетание отмеченных элементов погребальной обрядности формирует особую погребальную традицию, бытовавшую у части населения восточнорусской лесостепи. Есть все основания связывать ее с группировками, оставившими бытовые памятники типа Засухи. Неоднородность последних, позволяющая трактовать их как памятники позднейшего периода днепро-донецкой общности [43, с. 84], как периферию азово-днепровской культуры Мариупольской области в днепро-донецком окружении [36, с. 50] или как синкретическое явление на основе смешения нескольких культурных компонентов [52, с. 79–80], находит прямое отражение в многовариантности ориентировок выделенной лесостепной группы захоронений. Именно поэтому она должна расцениваться как проявление особой погребальной традиции, а не как единый этнокультурный организм.

Хронологическая позиция лесостепной погребальной традиции в системе Восточноевропейского энеолита определяется возможностью ее сопоставления и синхронизации с уже известными культурно-историческими образованиями.

В уже упоминавшихся грунтовых некрополях у хут. Александрии и г. Александровска погребения выделенной группы ни стратиграфически, ни планиграфически не отделяются от захоронений с покойниками, лежавшими на спине в сильной степени скорченности (ноги подтянуты пятками к тазу, руки протянуты вдоль тела) и ориентированными преимущественно в восточном секторе горизонта. Подобная позиция погребенных выразительно представлена в погребальных памятниках, рассматриваемых в рамках среднестоговской и новоданиловской культур или, в более широком плане, в составе европейской степной общности эпохи энеолита (Деревка, Игрень III, Яма, Шляховский и др.) [44; 53, с. 18–19]. Они формируют степную погребальную традицию, получившую распространение от Подунавья на западе до Поволжья на востоке и Предкавказья на юге. Обе погребальные традиции, лесостепная и степная, концептуально не противоречивы и должны рассматриваться в рамках единой линии развития восточноевропейского энеолита.

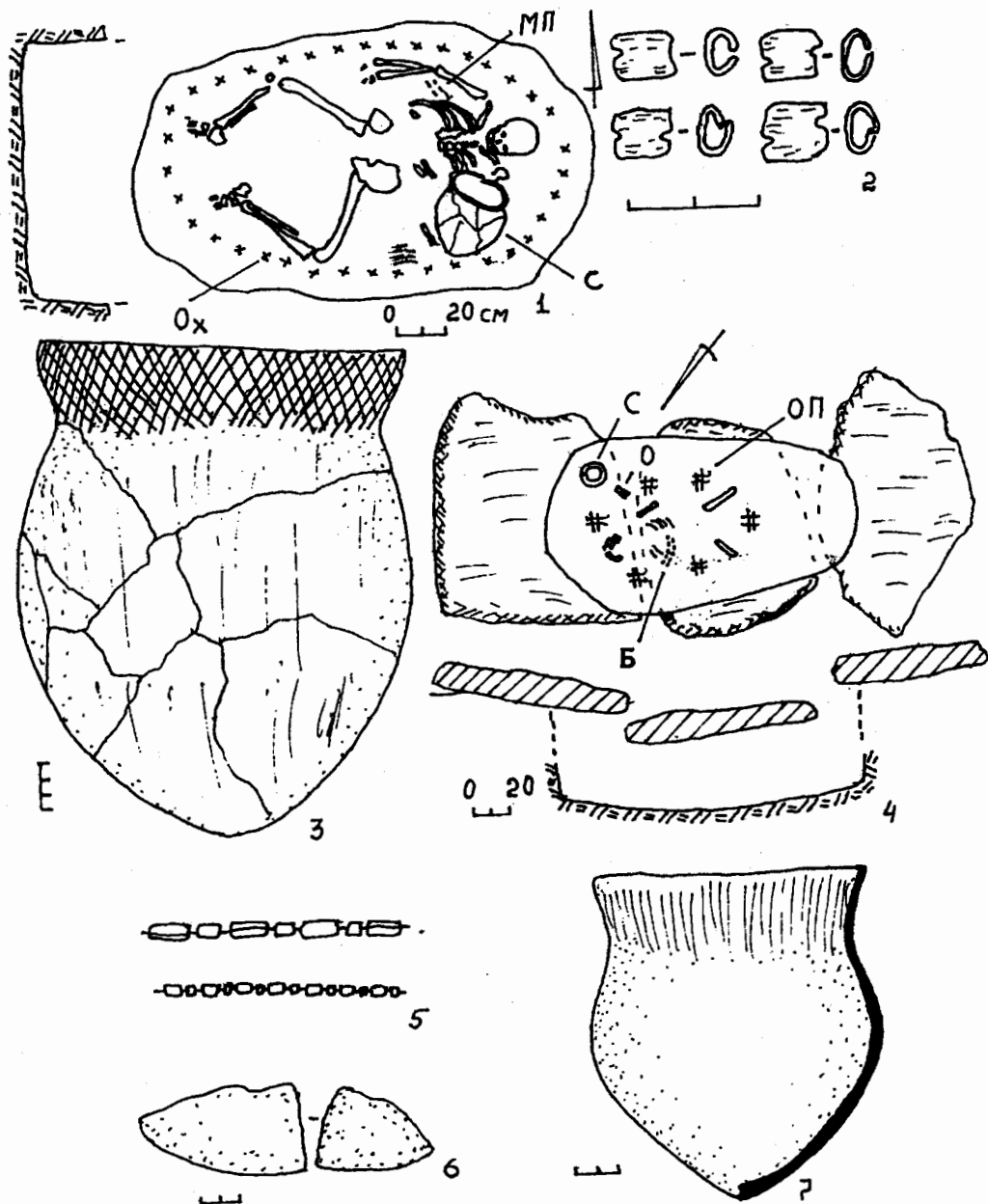

Рис. 5

1-3 - Октябрьское, к. № 3, п. 5 (по С. Н. Санжарову); 4-7 - Богуслав, к. № 23, п. 1 (по А. В. Андросову)

Статьи
 Условные обозначения: Ох - охра, Зл - зола, К - камень, См - смолообразное вещество, Кр - кремль, Б - медные бусы, М - мел, У - древесный уголь, Ш - медное шило, Сл - слюда, МП - металлические пронизы, С - сосуд, ОП - органическая подстилка

Стратиграфические данные и сходство некоторых категорий сопровождающего инвентаря позволяют синхронизировать лесостепную группу захоронений с памятниками постмариупольской общности, локализованными преимущественно в степном Поднепровье и прилегающих районах азово-черноморского региона. В кургане № 3 у с. Князево постмариупольское погребение 4-а прорезало относительно лесостепной группе погребение 4 (рис. 4, 1). Обратная последовательность зафиксирована в кургане № 3 у с. Орлик в нижнем течении р. Ворсклы, где захоронение 4, со слабо скорченным на спине костяком, было впущено в насыпь над основным «вытянутым» захоронением [54, с. 53, рис. 2].

Медные цилиндрические бусины из погребений у с. Князево и с. Богуслав (рис. 3, 3; рис. 5, 5) имеют прямые аналогии в комплексах новоданиловского типа (Мариуполь, п. XXIU) и постмариупольской общности (Чкаловка 3/5) [44, рис. 46, 24; 55, рис. 2, 2]. Показательно сочетание в инвентаре погребения 9 кургана № 1 у с. Князево мелких медных бусин и костяных полированных фигурных пронизей (рис. 3, 3–6). Костяные пронизи наибольшее распространение получили в среде постмариупольского населения, отчего им нередко придается значение надежного культурного индикатора [56, с. 34; 57, с. 62]. Типологически идентичные медные пронизи, по-видимому, воспроизводящие популярное украшение в новом материале, найдены в погребении кургана № 3 у с. Октябрьское (рис. 5, 2). Сосуд из погребения (рис. 5, 3) имеет воротничковое утолщение венчика, что нередко встречается на керамике памятников типа Засухи, равно как и прочерченный орнамент в виде косой клетки в верхней части тулова [43, рис. 5, 1]. Н. С. Котова, интерпретирующая памятники типа Засухи как северную периферию азово-днепровской культуры, отмечает в технологии керамического производства применение, наряду с прочими, отошающей примеси дробленой ракушки [36, с. 46]. В комплексе погребения кургана № 23 у с. Богуслав органически сочетаются позиция погребенного слабо скорченного на спине, в «позе роженицы», сосуд, обнаруживающий определенное сходство со среднестоговскими формами и фрагменты охрово-каолинового формованного изделия, характерного для постмариупольских памятников (рис. 5, 4–7).

Таким образом, выделенная группа захоронений, отражающая лесостепную погребальную традицию, явление в основном синкретическое, возникшее на основе нескольких автохтонных этнических компонентов неолита–раннего энеолита. Причины и механизмы его формирования сейчас не могут быть установлены достаточно точно. Вероятно, речь должна идти о стадийных изменениях в идеологической сфере, обусловленных развитием новых форм производящей экономики. Не вызывает сомнений, что население, оставившее погребения выделенной группы и бытовые памятники типа Засухи, в южных районах лесостепи сосуществовало с носителями степной погребальной традиции среднестоговско-новоданиловского типа и группировками постмариупольской общности. Выявление других составляющих исторического процесса в восточноукраинской лесостепи — дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артюшенко А. Т.* Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. — К.: Наукова думка, 1970.
2. *Слюсарев А. А.* Природа Донбасса. — Донецк: Недра, 1988.
3. *Ромашко В. А.* Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения пограничья степи и лесостепи Левобережной Украины на рубеже II–I тыс. до н. э. // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1986.
4. *Уинтфру Дж.* Естественная философия времени. — М.: Наука, 1964.
5. *Левада Ю. А.* Социальная природа религии. — М.: Наука, 1965.

6. Телегин Д. Я. Могильники днепро-донецкой культуры и их историческое место //СА. — 1966. — № 1.
7. Телегин Д. Я. Неолитические могильники днепро-донецкого типа. — К.: Наук. думка, 1991.
8. Матюшин Г. И. Неолитические поселения и погребения у г. Давлеканово на Южном Урале//СА. — 1970. — № 4.
9. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. — Л., 1936.
10. Антонова Е. В. О некоторых чертах погребального обряда древних земледельцев Средней Азии и Месопотамии//СА. — 1980. — № 4.
11. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936.
12. Фосс М. Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР//МИА. — М., 1952. — № 20.
13. Кладников А. П. Археологические исследования на Ангаре//СА — IV — М., 1940.
14. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. — М.: Наука, 1986.
15. Mellaart J. Catal Huyuk a neolithic Town in Anatolie. — London, 1967.
16. Глonti А. И., Джавахишвили А. И., Кугурадзе Т. В. Антропоморфные фигурки из Храмы Дидигора//Вестник Государственного музея Грузии. — Т. XXXI, — Тбилиси, 1975.
17. James E. The Cult of the Mother — Goddess. — London, 1959.
18. Авилова Л. И. К изучению социальной структуры и идеологии племен гумельницкой культуры (по данным погребального обряда)//СА. — 1986. — № 1.
19. Титов В. С. Ранний и средний неолит Восточной Венгрии//Археология Венгрии. — М.: Наука, 1980.
20. Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия)//Археология Старого и Нового Света. — М.: Наука, 1982.
21. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. — М.: Наука, 1990.
22. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник//МИА. — № 47. — М., 1956.
23. Атхарававеда. Избранное/Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. — М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1976.
24. Столяр А. Д. Первый Васильевский мезолитический могильник//АСГЭ. — № 1. — Л.: Аврора, 1959.
25. Телегин Д. Я. Василівський Третій некрополь в Надпоріжжі//Археологія. — Т. XIII. — 1961.
26. Энеолит Средней Азии//Энеолит СССР. — М.: Наука, 1982.
27. Garasanin M. Praistorija jugoslavenskih zemlja. — Belgrad, 1979.
28. Казаков Е. П. Неолитические погребения из восточных районов Татарии//СА. — 1978. — № 2.
29. Бибииков С. И. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала//СА. — Т. XIII. — 1950.
30. Зимина М. П. Могильник на стоянке «Репище»//КСИА. — № 172. — 1984.
31. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. — Л.: Наука, 1990.
32. Макаренко М. Маріупольський могильник. — К., 1935.
33. Ковалева И. Ф. Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм»//Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1984.
34. Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника)//СА. — Т. XXIII. — М., 1955.

35. Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986.
36. Котова Н. С. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье). — Луцк, 1994.
37. Синюк А. Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) //СА — 1984 — № 3.
38. Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. — Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985.
39. Васильев И. Б. Памятник мариупольского времени в Липовом овраге на севере Саратовской области//Древности Среднего Поволжья. — Куйбышев, 1985.
40. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. — Свердловск, 1970.
41. Телегін Д. Я. Дніпро-Донецька культура. — К.: Наук. думка, 1968.
42. Телегін Д. Я. Середньостоговська культура епохи міді. — К.: Наук. думка, 1973.
43. Телегін Д. Я. Кераміка раннього енеоліту типу Засухи в лісостеповому Лівобережжі України//Археологія. — № 64. — 1988.
44. Телегін Д. Я., Нечитайло А. Л., Потехина И. Д., Панченко Ю. В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников. — Луганск: Шлях, 2001.
45. Пузаков Е. В. Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного исторического музея в бассейне Северского Донца в 1956 году. — НА ИА НАН Украины Фонд эксп. № 2648.
46. Левицкий И. Ф. Мерешанское поселение. — НА ИА НАН Украины. Фонд эксп. 1.051.
47. Манько В. А., Телиженко С. А. Проблемы абсолютной хронологии мезолита — энеолита Подонечья//Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. — № 1. — Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2003.
48. Братченко С. Н., Константиnescу Л. Ф. Александровский энеолитический могильник//Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К.: Наук. думка, 1987.
49. Клименко В. Ф. Курганные древности Северского Донца. — Енакиево, 1997.
50. Андросов А. В., Марина З. П., Завгородний Д. И. Энеолитический курган у с. Богуслав в Присамарье//Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1991.
51. Санжаров С. Н., Подобед В. А. Исследование кургана № 3 у с. Октябрьское //Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. — Вып. 2. — Луганск, 1992.
52. Марковина И. В. Поселение у с. Богдановка на р. Самаре//Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. — Днепропетровск, 1988.
53. Нечитайло А. Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита//РА. — 1996. — № 4.
54. Лугова Л. М., Рассамакін Ю. Я. Енеолітичне поховання в кургані поблизу с. Орлик Полтавської області//Археологія. — № 43. — 1985.
55. Ковалева И. Ф. Энеолитические курганы у с. Чкаловка Днепропетровской области //Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1992.
56. Ковалева И. Ф. Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке. — Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1984.
57. Телегін Д. Я. До питання про культурну атрибуцію поховань постмариупольського типу та виділення так званої «квітянської культури» в степовому енеоліті України//Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ, 1999.

Summary

S. Berestnev. On One of the Groups of Inhabitants of East-Ukrainian Forest-Steppe Zone in Paleometallic Age

In the article Aeneolithic East Ukrainian forest-steppe zone's tombstones are analyzed and the conclusions on multi-component structure of inhabitants of the region in the Early Metallic Age are made. Burial mounds and flat burial places with slightly bended backbones, unstable orientation and poor equipment correspond with the inhabitants that left the settlements of the Drought type. At the same time at the forest-steppe zone the post-Mariupol and Sredny Stog communities' groupings existed.

